

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.

ISSN: 2309-6322

E-ISSN: 2409-1707

Vol. 8, Is. 2, pp. 104-118, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.8.104

www.ejournal6.com

UDC 93/94

«European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals

Artyom Y. Peretyatko

Children's Creativity Center of Railway district of Rostov-on-Don, Russian Federation

10, Vereshchagina Street, Rostov-on-Don 344101

PhD (History)

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the history of Eastern European irregular troops, widely spread in Russia, in the Polish–Lithuanian Commonwealth and in the Habsburg possessions in the XVI–XVII century. It substantiates the position that all such troops, in particular, the Cossacks, Grenz infantry and lancers, was a single phenomenon, and to understand some of the peculiarities of their evolution should consider their history comprehensively.

Based on the approaches proposed by F. Mehring, the article concludes that the proliferation of irregular parts in the Christian Eastern Europe was the result of specific socio-political conditions, especially long wars and borders of the Asian type. In these circumstances, governments were created or were invited to the service of paramilitary units, instead of receiving wages various benefits. The result is a system of irregular troops, the geographical scope of which was limited to the Adriatic sea and the Urals.

Keywords: irregular troops, Cossacks, Grenz infantry, Russia, Polish–Lithuanian Commonwealth, Habsburg possessions, F. Mehring.

Введение

В XVI–XVIII вв. иррегулярные войска составляли важную часть армий стран Восточной Европы: Российской империи, Речи Посполитой, Хорватии и Венгрии (последние две страны в это время входили в состав домена Габсбургов, в российской историографии традиционно именуемого Австрийской империей). В 1757 г. австрийский конный отряд, составленный из солдат Военной Границы, взял Берлин [1], а в 1760 г. в столицу Пруссии вошли казачьи части [2]. Вряд ли в это время кто-то мог предположить, что Семилетняя война станет важнейшей точкой отчета для последующей ликвидации восточноевропейских иррегулярных войск в их прежнем качестве, и уже в следующем столетии понятия «гусар» и «улан» будут использоваться исключительно для обозначения регулярной кавалерии, а государственные деятели России и Австрии будут рассматривать проекты ликвидации казаков и граничар.

Чем же были они, восточноевропейские иррегулярные войска? Почему в XV–XVI вв. правительства Московии и Литвы, Венгрии и Священной Римской Империи привлекали под свои знамена татар и сербов, брали под свое покровительство донских и днепровских

казаков, определяли обязанности и права гусар и граничар? Почему все эти военные формирования, кроме граничар и казаков, исчезли или были преобразованы в регулярные части почти одновременно, в конце XVII–XVIII вв.? И, главное, насколько схожи между собой были восточноевропейские иррегулярные войска? Можно ли рассматривать их, как единый феномен?

Материалы и методы

Добиться ответов на эти вопросы мы попытаемся, используя историко-сравнительный и историко-системный методы. Сопоставление многочисленных работ, затрагивающих различные аспекты функционирования восточноевропейских иррегулярных войск, должно помочь нам понять степень их сходства между собой и причины их востребованности в конкретной военно-политической ситуации того времени. Поскольку некоторые детали организации польских и австрийских иррегулярных частей не нашли освещения в отечественной историографии, для их уяснения мы будем широко привлекать исследования иностранных авторов. На основании этих материалов мы попытаемся сформировать представление о восточноевропейских иррегулярных войсках как об определенной системе военной организации.

При использовании историко-системного метода нами неизбежно будут затрагиваться те сюжеты политической и экономической истории, которые связаны с военной организацией восточноевропейских иррегулярных частей. Следствием этого является использование не только военно-исторических, но и более общих работ, в частности, по национальной истории. Однако специальное исследование общих черт гражданского и экономического устройства восточноевропейских иррегулярных войск выходит за рамки данного исследования.

Обсуждение

Идея о том, что между российским казачеством и австрийскими граничарами существует определенное сходство восходит еще к XIX в.. В 1865 г. Военным Министерством была предпринята попытка напрямую ознакомиться с опытом Военной Границы, чтобы использовать его во время реформы казачьих войск: российский военный агент в Вене барон Ф.Ф. Торнау получил задание составить доклад о переводе граничар с военнообязанного состояния на гражданское [3]. Однако доклад Ф.Ф. Торнау оказался не слишком востребован, и, хотя этот документ и использовался Н.И. Красновым при оценке экономической выгоды Донского и Оренбургского казачьих войск для казны [4], сколько-либо устойчивого интереса к австрийскому опыту реформирования иррегулярных частей не сформировалось ни в военной, ни в научной среде.

И в настоящее время мысль о сходстве между казачеством и граничарами в большей степени характерна для иностранной, а не отечественной литературы. Так, А. Каппелер в своей монографии по истории казачества прямо утверждает, что «как видно, сходство (Военной Границы – А.П.) с казаками России поразительное. Детальное сравнение, конечно, может дать дальнейшее разъяснение феномена пограничных сообществ в целом и особенно истории казаков» [5]. Из российских научных работ по истории казачества имеет смысл выделить только коллективный труд «Казачий Дон. Очерки истории», в котором была предпринята попытка охарактеризовать «казачий феномен во всемирной истории» [6]. К сожалению, авторы ограничились перечислением «субэтнических военизированных общностей», в число которых, наряду с граничарами и казаками, попали японские самураи и карибские флибустьеры, с минимальной конкретизацией сходств и различий. Нам представляется бесперспективным подобное сопоставление военно-общественных институций, сформировавшихся в разное время на противоположных концах земли, при наличии минимального внешнего сходства. Впрочем, и иностранные авторы, в частности А. Каппелер, констатировав особенно близкое сходство между казаками и граничарами, на наш взгляд, только сформулировали проблему, но не разрешили ее.

Единственная попытка выявить конкретные общие черты эволюции казаков и граничар в отечественной историографии связана с изучением истории Новой Сербии и Славяносербии, регионов на территории современной Украины, на земли которых в середине XVIII в. переселялись колонисты из владений Габсбургов. Предполагалось, что они

сохранят прежнюю организацию, предусматривающую получение участка от правительства вместо постоянного жалования, и будут выставлять гусарские и пандурские полки [7]. Фактически речь шла об опыте создания в России иррегулярного войска по австрийскому образцу, призванного не только защищать южные границы, но и помогать правительству контролировать не всегда лояльное днепровское казачество [8]. Прошлое Новой Сербии и Славяносербии изучено в отечественной и украинской историографии достаточно подробно, причем внимание исследователей привлекали самые различные его аспекты: в дореволюционный период наибольший интерес вызывало сопоставление различных этапов привлечения иностранных поселенцев в Россию, в советский актуальны были сюжеты, связанные с российско-южнославянской дружбой, а с 1990 гг. на первое место выходит вопрос о сербо-украинских взаимоотношениях и роли сербов в истории Украины [9]. Нет ничего удивительного, что сходство организации казаков и граничар привлекло внимание исследователей истории сербских колонистов на Украине. Накопление и систематизация информации о причинах переселения с Военной Границы в Россию привели к тому, что А.И. Кирпеченком была высказана мысль о явной параллели между процессами, проходившими в Военной Границе и в российских казачьих войсках в середине XVIII в. По его мнению, и у граничар, и у казаков вследствие правительственных реформ происходило укрепление дисциплины и приближение системы службы к принятой в регулярной армии, причем подобная политика вызывала серьезное недовольство на местах [10]. На наш взгляд, только сопоставление одновременных процессов в российских казачьих войсках и в Военной Границе, а не констатация абстрактного сходства между ними, способно привести исследователя к обоснованным научным выводам. А. Каппелер в приведенной выше цитате призывает историков к применению данного подхода, однако, как мы видим, пока что его использование в отечественной историографии ограничено единичным случаем.

Если сходство между казаками и граничарами было хотя бы отмечено несколькими отечественными авторами, то вопрос о сопоставлении российских казачьих войск и других восточноевропейских иррегулярных формирований в российской историографии не поднимался. Нужно отметить, что история восточноевропейских иррегулярных войск вообще мало привлекала отечественных исследователей. В случае с граничарами, которые лучше всего известны в России, не сформировалось даже общеупотребительного термина для их наименования, что хорошо характеризует степень не изученности проблемы. Различными авторами использовались такие их обозначения, как «кроаты» [11], «гранычары» [12], «пограничные войска» [13] и «пограничная пехота» [14]. «Военный лексикон», уделивший им минимум внимания, в статье «Кроакия» предлагает еще одно обозначение, впрочем, не прижившееся: «постоянное поселенное войско» [15]. «Военная энциклопедия» И.Д. Сытина содержит достаточно подробную статью про «граничар», где отмечено и их сходство с казачеством [16], однако в «Советской Военной Энциклопедии» аналогичная статья отсутствует, как и вообще какой-либо термин для обозначения вооруженного населения Военной Границы. Во многом это связано с отечественной историографической традицией, в рамках которой отдельные материалы о прошлом восточноевропейских иррегулярных войск оказались разбросаны по страницам книг, посвященных военной истории, истории зарубежных стран и этнографии, и не рассматривались комплексно. Военной Границе еще относительно повезло, поскольку ее истории неизбежно уделялось относительно большое внимание в рамках национальной истории Хорватии. Поскольку прочие восточноевропейские иррегулярные войска не сыграли сравнимой роли в истории национальных государств, в отечественной историографии они были изучены в еще меньшей мере и вопроса об их сходстве с казачеством даже не ставилось.

Между тем знакомства с вовлеченной в научный оборот информацией по ранней истории польских улан достаточно, чтобы отметить их сходство как с граничарами, так и с казачьими войсками. В конце XIV в. в Литву бежало значительное количество татар, сторонников Тохтамыша, которым были дарованы освобождение от податей, земельные участки и право не менять веру. В свою очередь, татары были обязаны в случае войны выходить на службу не только не получая жалование, но и со своим снаряжением [17]. Польскими авторами отмечалось, что «в счастливые времена великих литовских князей

татары являлись исключительно военным классом» и использовался в их отношении термин «военное сословие». В 1659 г. были даже уравнены денежные выплаты служилым татарам и реестровым казакам, что ясно свидетельствовало о сходстве, которое польское правительство видело между ними [18]. Со временем та часть польской армии, которую во время войны выставляли татары, получила название улан, и была преобразована в полки регулярной кавалерии в XVIII в. [19]. После разделов Польши регулярные уланские полки были созданы и в российской армии [20], но ранняя история улан в отечественной историографии изучалась почти исключительно в связи с этнографией белорусских татар, а не военной историей.

В число восточноевропейских иррегулярных войск входили не только казаки, граничары и уланы, но и другие иррегулярные части, получившие наибольшее распространение в Венгрии. Однако, к сожалению, работы по ранней истории венгерских гусар, до их превращения в регулярную кавалерию, на русском языке фактически отсутствуют. То же самое относится и к пандурам, венгерской иррегулярной пехоте. Отдельного внимания заслуживает вопрос о российских иррегулярных войсках кроме казачества. Уже И.Д. Беляев отмечал, что большая часть боярских детей, составлявших значительную часть русской конницы в XVII в., получала за службу землю вместо жалования и в мирное время не несла военной службы [21]. Стрелецкое войско в своем развитии так же эволюционировало в направлении замены хлебного жалования земельным наделом [22].

Таким образом, история большинства восточноевропейских иррегулярных войск не сопоставлялась в отечественной историографии с историей казачества, а там, где проводилось сравнение казаков и граничар, оно обычно ограничивалось общим указанием на наличие некоего сходства, с минимальной его детализацией. Более того, в принципе не ставилось вопроса о существовании восточноевропейских иррегулярных войск как некоего единства, со своими особенностями и общими тенденциями в эволюции. Однако даже приведенных выше фактов, носящих самый общий характер, достаточно, чтобы предположить существование черт, характерных для большинства восточноевропейских иррегулярных войск, но совершенно не свойственных западноевропейским армиям XVI–XVII в.

Ниже мы попытаемся составить их более подробный и детализированный список, в чем нам поможет подход, разработанный Ф. Мерингом в его военно-исторических трудах. Развивая положения, высказанные Ф. Энгельсом о военной истории, Ф. Меринг рассматривал военную организацию различных исторических армий как производную от социально-экономического устройства соответствующих стран. С его точки зрения, военное искусство заключалось именно в понимании тех возможностей и ограничений, которые порождались конкретными историческими условиями. Подобный подход позволил ему связать эволюцию военного дела в XVI–XVIII в. с политическим и экономическим развитием Западной Европы и показать, почему переход сначала от рыцарской кавалерии к наемным армиям, а от них к армиям постоянным был неизбежен [23]. В меру своих сил мы попытаемся применить данный метод к восточноевропейским государствам и их армиям, чтобы выявить политические и экономические предпосылки возникновения и исчезновения иррегулярных подразделений в них. Кроме того, у Ф. Меринга нами заимствована сама идея (так же восходящая к Ф. Энгельсу) рассмотрения схожих по системе организации войск как единого феномена, для которого большее значение имеет не сходство отдельных черт, но одновременность протекающих в них процессов. Нам представляется, что подобный подход позволит иначе взглянуть на историю казачества, выявить в ней закономерности и узловые точки, которые не привлекали внимания исследователей, рассматривавших его как изолированное явление.

Мы используем термин «восточноевропейские иррегулярные войска», поскольку в отечественной историографии обычно применяют определение «иррегулярные» по отношению к казачьим частям. Однако при попытке уточнить значение данного определения, мы столкнулись с серьезными сложностями. «Военный лексикон» предлагает считать иррегулярными «войска, которые, не входя в состав постоянной и правильно устроенной (регулярной) армии, иногда формируются только в военное время и потом опять распускаются» [24]. В «Военном словаре» И.Д. Сытина дается два определения иррегулярных войск: «войска, не имеющие правильной организации» и «войска, по

комплектованию, организации и обучению значительно отличающиеся от регулярных войск» [25]. Подобная идея развивается и в «Советской военной энциклопедии», в которой предлагается считать иррегулярными не только «войска не имеющие единой, постоянной организации», но и «войска, по комплектованию, прохождению службы, обучению, вооружению и обмундированию значительно отличающиеся от регулярных воинских частей» [26]. Второе определение построено по негативному принципу, определяя не то, чем являются иррегулярные части, а то, чем они не являются. В результате под него попадают самые различные исторические вооруженные формирования, часто не имеющие между собой ни организационной, ни функциональной общности. Если «Военный словарь» хотя бы утверждает, что иррегулярные войска получили распространение после XVII в. [27], то «Советская военная энциклопедия» не ставит никаких хронологических рамок, в результате чего «иррегулярными» оказываются как казаки, так и кавалерия древних египтян, объединенные на том основании, что их солдаты несли службу, «как правило, имея собственное вооружение, одежду и верховых лошадей» [28]. Однако с 1835 г. казаки гвардейских полков выставляли за свой счет только лошадей; в 1870 гг. и в отношении армейских казачьих полков правительство перешло к политике централизованных закупок оружия, причем винтовка покупалась за счет казны и оставалась ее собственностью [29]. Поэтому определение «Советской военной энциклопедии» не может быть в полной мере применено к казачеству конца XIX – начала XX вв. Еще более неудачным в исторической перспективе представляется определение «Военного лексикона», поскольку к 1880 гг. казачество окончательно вошло в состав российской регулярной кавалерии: в штатный состав кавалерийских дивизии были включены казачий полки [30], а обучение малолеток велось в соответствии с общекавалерийскими уставами [31]. С учетом данных фактов заслуживает особого внимания мнение Н.И. Краснова, который считал, что казаки к середине XIX в. уже не были иррегулярной кавалерией, но представляли собой особый вид кавалерии легкой [32]. Изучение эволюции «восточноевропейских иррегулярных войск» способно, на наш взгляд, прояснить неоднозначный вопрос о соотношении регулярного и иррегулярного организационных принципов в истории донского казачества, и понять некоторые малоизученные причины изменения этого соотношения.

Результаты

Восточноевропейские иррегулярные части сформировались в специфических условиях пограничья между христианским и мусульманским миром, в условиях постоянной военной угрозы. Не будет преувеличением сказать, что их создание стало своеобразным «ответом» на восточную агрессию. (Любопытно отметить, что А. Тойнби именно так и трактовал казачество в рамках своей цивилизационной концепции, хотя его представления о деталях жизни раннего казачества весьма далеки от принятых в отечественной историографии [33]). В XVI в. западноевропейские армии представляли собой сборище ненадежных наемников, фактически подчиняющихся своим лидерам, а не нанявшим их государствам [34]. Более того, содержание подобных отрядов до середины XVII в. обходилось настолько дорого, что собрать большую армию представлялось почти невозможным [35]. Наемники нанимались непосредственно перед войной или в ее ходе, в мирное время какой-либо костяк армии отсутствовал [36]. Ф. Меринг указывает так же на то, что эти солдаты служили любому платежеспособному правительству, независимо от собственной религиозной и национальной принадлежности. Так, немецкие ландскнехты, помогавшие Карлу V в борьбе с протестантскими правителями, сами были фанатичными протестантами [37], а в ходе Нидерландской революции голландская армия состояла из немцев, англичан, шотландцев и французов [38]. В случае длительной войны наемные армии становились опасны для собственных нанимателей, которым редко удавалось вовремя платить им, и в войсках постоянно царил возмущение [39].

Подобные части не могли выполнять всех тех задач, которые вставали перед государствами Восточной Европы. Во-первых, войны с восточными соседями в этом регионе часто бывали затяжными, причем без длительных пауз (Кандийская война, например, длилась 14 лет [40]). Во-вторых, серьезнейшую угрозу представляли собой набеги турок и татар на мирные поселения. Д.В. Сень в одной из своих последних работ отмечает, что до начала XVIII в. граница между Россией и Османской Империей (а так же ее вассалами) не

являлась границей в европейском понимании этого слова. Он считает возможным применять к более раннему периоду термин «граница азиатского типа», предложенный Д.Н. Замятиным. Под последним подразумевается «большая барьерная территория, полоса между государствами, слагающаяся из сплетения разнородных, остаточных местных и региональных властных, структур как огромная геополитическая чересполосица». В этих условиях защиту от набегов, которые проводились и в «мирное» время, могли оказать только сильные пограничные войска [41]. Схожая ситуация, на наш взгляд, существовала и в других восточноевропейских государствах. Например, в Хорватии набеги мусульман из Боснии носили хронический характер, и решением данной проблемы были вынуждены озаботиться сначала местные землевладельцы, а затем и австрийские власти [42] (в дальнейшем мы будем употреблять данный термин для удобства и по сложившейся в отечественной историографии традиции при обозначении правительства владений Габсбургов, хотя формально последние были преобразованы в Австрийскую империю только в начале XIX в.). Для борьбы с набегами была создана цепь укреплений и дозорных пунктов, в которых первоначально были размещены гарнизоны из западноевропейских наемников. Однако очень быстро выяснилось, что расходы на них чрезмерно разорительны, и австрийские власти перешли к политике переманивания христианских жителей с турецких земель, предоставляя им за службу не деньги, а участок земли, хлебное довольствие, освобождение от части повинностей и право самим ходить в набеги на турецкие земли [43].

Из сопоставления этого примера с ранней историей донского казачества видно, что сходство между восточноевропейскими иррегулярными войсками было именно функциональным. Их происхождение могло быть совершенно различным: донские казаки, по традиционной версии, являлись беглецами из России на «ничейные» земли [44], польские уланы вследствие обстоятельств перешли на службу правителю своей не родной страны [45], гусары изначально представляли собой местное конное ополчение (первый регулярный гусарский полк в армии Габсбургов появился только в 1686 году) [46]. Однако их объединяла схожая задача, в корне отличающаяся от задачи западноевропейских наемных армий той эпохи: защищать конкретное государство или территорию от иноверческой, как правило, угрозы, которая могла выражаться не только в форме войны европейского типа (для нее были характерны либо краткость, либо существенные паузы в ходе боевых действий), но и в форме затяжной войны без «пауз», а так же в форме набегов. На наш взгляд, в список важнейших особенностей восточноевропейских иррегулярных войск той эпохи, отличающих их от западноевропейского наемного войска, можно включить следующие пункты (мы не считаем данный список окончательным):

1) Полная или частичная замена жалования какими-либо привилегиями. Как мы писали выше, граничары и уланы освобождались от повинностей и получали земельный надел; значительная часть стрельцов так же в награду за службу получала землю. В этом случае, к которому, на наш взгляд, можно отнести и казачество, особенно реестровое и служилое, привилегии получал служивший лично. Другим распространенным способом комплектования восточноевропейских иррегулярных войск было обязательное выставление дворянами определенного количества вооруженных и относительно обученных солдат с указанного надела или числа людей. Подобный принцип комплектования был характерен не только для русского помещного войска [47], но и, первоначально, для венгерских гусар [48]. В итоге расходы центральных властей, не обязанных платить жалование каждому солдату, были существенно ниже, чем на содержание наемной армии равной численности.

2) Наличие военного костяка в мирное время. Специфика западноевропейской наемной армии, как мы уже отмечали, не позволяла содержать сколько-либо значительные отряды в промежутках между войнами. Однако в условиях непрерывных набегов различие между «мирным» и «военным» временем стиралось, и возникала необходимость в постоянном существовании пограничных частей. Полный роспуск большей части армии после заключения мира, принятый в Западной Европе, был в принципе крайне невыгодным делом, поскольку имелись случаи, когда перед следующей войной проигравшая сторона переманивала наемников выигравшей [49]. Поскольку меньшие расходы на жалование солдатам восточноевропейских иррегулярных войск позволяли не увольнять их полностью

после заключения мира даже там, где пограничных отрядов не было, вариант с сохранением военного костяка в мирное время был реализован повсеместно.

3) Существование иррегулярного войска в конкретном государстве. Вследствие первого пункта, иррегулярное войско могло существовать только там, где его привилегии были гарантированы. Если наемники в западноевропейских армиях свободно переходили от одного нанимателя к другому, то уланы могли существовать только в Речи Посполитой, граничары только в Австрии, стрельцы только в России. Определенное исключение представляли собой казаки, чьи привилегии были гарантированы в Речи Посполитой, в России и на фактически независимых казачьих территориях Дикого поля, а так же гусары, на феномене которых мы подробнее остановимся чуть ниже. В любом случае, привязка восточноевропейских иррегулярных войск к конкретной стране была выражена значительно четче, чем в наемных армиях.

4) «Привязка» иррегулярного войска к одному или нескольким этносам была порождена тем, что иррегулярные части комплектовались или, подобно гусарам и стрельцам, на основе населения одной страны, или, подобно уланам и казакам, из переселенцев относительно однородного национального состава. Данная тенденция была характерна и для некоторых войск западной Европы, например, швейцарских наемников или немецких ландскнехтов [50], однако доминирующей не стала.

5) Вовлеченность солдат иррегулярных войск в местные крестьянские восстания. В отличие от западноевропейских наемников, которые полностью отрывались от мирного населения и фактически становились грабителями [51], солдаты восточноевропейских иррегулярных войск в мирное время были нормальной частью жителей соответствующей страны или региона. Неудивительно, что в некоторых случаях они выступали в качестве участников народных восстаний, причем, как отмечал еще А. Каппелер, почти неизменно становились его главной ударной силой, так как были хорошо обучены и вооружены [52]. Поскольку восстания стрельцов и казаков, как днепровских, так и донских, в отечественной историографии хорошо изучены, то упомянем здесь участие элементов с формировавшейся Военной Границы в восстаниях 1514 и 1604 гг. [53], а так же поддержку венгерским сеймом [54], магнатам из которого еще подчинялись гусарские полки [55], выступления Ф. Ракоци 1703-1711 гг. Только уланы, отличающиеся языком и религией от соседей-крестьян, не принимали, по-видимому, массового участия в народных восстаниях.

6) Существеннейший восточный элемент в тактике, вооружении и униформе. Значительная часть восточноевропейских иррегулярных войск изначально создавалась с участием переселенцев с востока. Граничары, как мы писали выше, начали формироваться на основе пришельцев из османских владений, а уланы вообще были этническими татарами. Татарский этнический элемент сыграл незначительную роль и при формировании казачества [56], но более существенным было культурное влияние, причем не только в военном деле: по сведениям С.Ф. Номикосова, покрой казачьей одежды был близок к татарскому, а употребление татарских слов в разговоре было признаком хорошего тона [57]. Даже в тех случаях, где подобного прямого влияния наблюдалось, современники находили сходство между восточноевропейскими иррегулярными войсками и восточными армиями. В частности, Ф. Тьеполло сравнивал стрельцов с янычарами [58], встречалась данная мысль и в отечественной историографии [59].

Мы не включали в этот список те особенности восточноевропейских иррегулярных войск, которые были характерны так же и для наемных армий Западной Европы. Между тем некоторые из этих особенностей так же весьма интересны и заслуживают отдельного внимания.

1) Низкий уровень централизованной военной подготовки в мирное время. Сама идея необходимости единообразной муштровки войск была высказана только принцем Оранским в ходе Нидерландской революции [60]. Более того, несмотря на победы голландских войск, данная идея практически реализовывалась в других странах крайне медленно, в первую очередь из-за объективных причин. Мы согласны с Ф. Мерингом, что сам формат наемной армии, собираемой в случае войны из разнородных частей и плохо оплачиваемой, объективно препятствовал качественной муштровке [61]. Однако принцип организации восточноевропейских иррегулярных армий так же основывался на сборе военнслужащих только в случае войны. Правда, часто их солдаты являлись

«естественными воинами», неизбежно получающими военную подготовку еще в детстве и отрочестве. У донских казаков единообразная допризывная подготовка была введена только в 1865 г., когда подобные военные традиции начали угасать [62]. Однако в случае, если солдаты иррегулярных войск не получали боевых навыков самостоятельно, попытки научить их чему-либо были малоэффективными. Ярким примером этого являлись российские стрельцы, строй которых представлял собой «неорганизованную толпу», а темп стрельбы был крайне низким, хотя их обучение формально было введено еще в XVII в. [63]. Причины этого крылись как раз в том, что в мирное время стрельцы занимались торговлей и ремеслами больше, чем ратным делом [64].

2) Отсутствие централизованной закупки формы и вооружения. Западноевропейские наемники были профессиональными солдатами, причем широкое распространение в их рядах получил институт кондотьерства, содержания частных армий. Другим распространенным способом вербовки было использование подрядчиков, за определенную сумму формирующих отряды с нуля из свободных наемников [65]. В любом случае, за снаряжение солдат отвечали их лидеры. В восточноевропейских армиях система обеспечения амуницией была несколько иной. Как мы писали выше, зачастую солдаты были обязаны приобретать снаряжение за свой счет. Даже там, где деньги на снаряжение выделялись государством, сама покупка оставалась личным делом военнослужащих. Подобная практика была распространена, в частности, в стрелецком войске [66].

3) Отсутствие единообразной организации. Западноевропейские наемные армии состояли из отдельных наемных отрядов, каждый из которых имел собственную структуру. Восточноевропейские иррегулярные войска были организованы даже несколько более единообразно, однако это единообразие было относительным: так, из улан по территориальному принципу формировались хоругви (эскадроны) [67], граничары аналогичным образом были разделены на генералитеты [68]. В подобных случаях, когда в основе организации лежал территориальный принцип, численность отдельных подразделений напрямую зависела от числа подлежащих призыву на соответствующих территориях. Даже там, где формально вводились полки единообразного состава, на практике их численность могла различаться почти вдвое [69], в зависимости от реального наличия солдат.

Войска, не имеющие единой системы военной подготовки, децентрализованно закупающие оружие и состоящие из различно организованных отрядов, на наш взгляд, в полной мере попадают под первое определение иррегулярных войск, даваемое «Советской Военной Энциклопедией» и «Военным словарем» И. Д. Сытина. Но из этого следует, что иррегулярными следует считать не только восточноевропейские иррегулярные войска, но и западноевропейских наемников XVI–XVII вв. Регулярные армии Нового Времени, с единообразной организацией, вооружением и подготовкой, существующие как в мирное, так и в военное время, в это время только зарождались. Данный факт заставляет еще осторожнее относиться к употреблению термина «иррегулярное войско», который, как мы видим, при расширительной трактовке может применяться к самым различным вооруженным формированиям. На наш взгляд, следует согласиться с авторами «Военного словаря»: данный термин имеет смысл применять по отношению к вооруженным отрядам, создаваемым начиная с XVII–XVIII в., но никак не раньше, когда регулярной армии не существовало в принципе. В некоторых отношениях восточноевропейские иррегулярные войска, более четко привязанные к своей стране и сохраняющие костяк в мирное время, были даже ближе к позднейшей регулярной армии, чем западноевропейские наемники.

Отдельного внимания заслуживают вопрос о проявлении черт наемничества в восточноевропейских иррегулярных армиях. Остановимся подробнее на истории венгерских гусар, чтобы получить ответ на него. Мы уже упоминали, что изначально гусары представляли собой поместное войско, собираемое с венгерских дворян. Однако очень быстро их дополнительные контингенты стали нанимать за деньги за пределами Венгрии. Уже в XVI в. они получили распространение в Польше, причем вскоре по образцу венгерских частей начали создаваться подразделения из местных жителей [70]. В итоге гусары первыми прошли тот путь, который ждал многие виды восточноевропейских иррегулярных войск: привлеченные их боевыми навыками, европейские монархи стали формировать из балканских наемников гусарские полки, сохраняющие традиционное

обмундирование и вооружение, но не организацию. Во Франции и Испании подобные части были сформированы в конце XVII в. [71]. Таким образом, с XVI в. термин «гусар» мог употребляться в двух значениях: и как «солдат венгерского кавалерийского ополчения», и как «наемник из исторических земель Венгерской короны, сохранивший традиционные оружие и обмундирование». Позже сформировалось и третье значение: «солдат из части, традиционно именуемой гусарской», причем в стране, первой начавшей формировать наемные гусарские части, в Польше, их обмундирование и вооружение со временем кардинально отошло от венгерского образца [72].

Причины, по которым венгерские гусары оказались вынуждены служить в других европейских армиях, тесно связаны с историей Венгрии. Мы говорили, что восточноевропейские иррегулярные войска существовали в одном-двух государствах, гарантировавших их права. Однако исторический процесс часто менял границы и правящие династии, создавая подчас достаточно неожиданные ситуации. Так, Венгрия и Польша в начале XVI в. были связаны одной правящей династией, Ягеллонами [73]. Однако вскоре, после битвы при Мохаче, Венгерское королевство перестало существовать как единое целое, и его владения были разделены между габсбургской монархией и турецким султаном [74]. Хотя формально венгерская корона перешла к Габсбургам, на практике многие дворяне предпочли служить туркам [75]. Когда в конце XVII в. произошло воссоединение Венгрии под властью императора Леопольда I, значительная их часть бежала из страны [76]. Таким образом, исход венгерских наемников не был вызван исключительно денежным вопросом: в начале XVI в. они служили в Польше родственникам своего короля, а в конце XVII в. искали службы, вынужденно бежав с родины. Подразделения, состоявшие из представителей восточноевропейских иррегулярных войск, создавались в других странах в трех случаях: если два государства оказывались связаны династически (помимо гусар польских Ягеллонов к этому случаю относится использование улан в саксонской армии в эпоху польско-саксонской унии [77]), если какая-то территория переходила под власть иного правителя (ярким примером этого может служить разделение днепровских казаков между Россией и Польшей после 1667 г. [78]) и в случае вынужденной эмиграции части населения, служащего в иррегулярных частях (в российской историографии наиболее известен пример казаков-некрасовцев, но не менее интересна история Новой Сербии, о которой мы писали выше). Наемные части, заимствовавшие вооружение и название у восточноевропейских иррегулярных войск, возникали только в этих трех случаях, хотя имели место и попытки сохранить их организацию после смены сюзерена. Неудачным примером подобной попытки, на наш взгляд, может служить история Новой Сербии [79], а удачной – сохранение левобережного гетманата днепровских казаков под властью России [80].

Выводы

Итак, схожие социально-политические условия пограничных территорий Восточной Европы привели к возникновению в XV–XVI вв. многочисленных восточноевропейских иррегулярных войск. Если армии Западной Европы в этот период эволюционировали в направлении формирования интернационального наемничества, то на границе христианского и мусульманского миров возникали новые военные сословия или же происходила милитаризация мелкого дворянства, как в случае с гусарским ополчением, причем возникающие структуры, хотя и включали в себя представителей различных этносов, обладали явно выраженным национальным ядром. Восточноевропейские иррегулярные войска действительно представляли собой единый феномен, несмотря на все различия в управлении и организации. Как показал опыт Военной Границы, они существенно превосходили армии западноевропейского образца при долговременной защите территорий от неприятельских, преимущественно турецких и татарских набегов. Усиление восточной угрозы в XV–XVI вв. привело к необходимости найти способ защищать границы азиатского типа, фактически игнорируемые подданными и союзниками Оттоманской империи. Логическим ответом на этот вызов стало, во-первых, создание системы милитаризированных границ, прикрывающих основные земли государства (засечные линии в России, Военная Граница в Австрии), во-вторых, привлечение на службу самостоятельно возникших в условиях азиатских границ вооруженных групп (союзные татары в Литве-Польше, казаки в той же Польше и России, сербы в Австрии) и, в-третьих,

развитие частей, получающих часть оплаты различными привилегиями (стрельцы, гусары). Линия милитаризированных границ не была постоянной, в ее состав постепенно вводились новые территории, а земли, ставшие глубоким тылом, могли терять свой статус, но к началу XVIII в. восточноевропейские иррегулярные войска, пусть и с разрывом в польских владениях, прикрывали границу христианского мира от Адриатики до Урала. На австро-турецкой границе располагались, с запада на восток, хорватская, славонская и банатская военные границы, российские владения были защищены с юга донским, терским и днепровским казачеством, а пандуры, стрельцы, уланы и гусары представляли собой своеобразный резерв, который мог быть мобилизован с существенно меньшими затратами, чем наемная армия, и независимо от ситуации на рынке наемников. Казачество в этот период, даже географически, было одним из приграничных поселенных иррегулярных войск, но в грядущем столетии ситуации предстояло коренным образом измениться.

Примечания:

1. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого / Ю.Ю. Ненахов. Минск: Харвест, 2002. С. 452.
2. Керсновский А.А. История русской армии. 1700-1881 / А.А. Керсновский. Смоленск: Русич, 2004. С. 89.
3. Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60-70 гг. XIX века / А.А. Волвенко // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2007. С. 48-49.
4. Там же.
5. Капшелер А. Казачество. История и легенды / А. Капшелер. Ростов-на-Дону: изд. ЮФУ, 2014. С. 83.
6. Казачий Дон. Очерки истории. Часть I / А.П. Скорик, В.П. Трут, Р.Г. Тикиджьян и др. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского облИУУ, 1995. 192 с.
7. Кирпиченок А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.» / А.И. Кирпиченок // Петербургская библиотечная школа. 2006. № 1-2. С. 114-115.
8. Там же. С. 115.
9. Дмитриев В. С. Сербь в Украине (XVIII – начало XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук: Киев, 2006. С. 8-10.
10. Кирпиченок А.И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.» С. 115.
11. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 452.
12. Кирпиченок А.И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.» С. 114.
13. Энгельс Ф. Армии Европы / Ф. Энгельс // Энгельс Ф. О военном искусстве. О теории насилия. М., СПб.: Эксмо, Terra Fantastica, 2003. С. 233.
14. Викедде Ю. Военные силы Германии и их развитие в новейшее время / Ю. Викедде // Военный сборник. 1859. № 2. С. 677.
15. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. Ч. 7. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1843. С. 464.
16. Военная энциклопедия. Т. 8. СПб.: тов. И.Д. Сытина, 1912. С. 450-451.
17. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. / С. Львов. М.: Восточный горизонт, 2002. С. 4.
18. Tuhan-Baranowski M. O muślimach litewskich / M. Tuhan-Baranowski. Warsaw: б/и, 1895. S. 14.
19. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. С. 5.
20. Там же. С. 5-6.
21. Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него до преобразований, сделанных Петром Великим / И.Д. Беляев. М: Университетская Типография, 1846. С. 15-16.

22. Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30-40-х гг. XVII в. Дис. ... канд. ист. наук: Рязань, 2012. С. 10-18.
23. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии / Ф. Меринг // Меринг Ф. История войн и военного искусства. СПб.: Полигон, 2000. С. 83-160.
24. Военный энциклопедический лексикон. Ч. 7. С. 159.
25. Военная энциклопедия. Т. 11. С. 31.
26. Советская военная энциклопедия. Т. 3. М.: Воениздат, 1977. С. 598.
27. Военная энциклопедия. Т. 11. С. 31.
28. Советская военная энциклопедия. Т. 3. С. 598.
29. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 46-47.
30. Перетягтько А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. / А.Ю. Перетягтько. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. С. 156.
31. Дополнение к строевым кавалерийским уставам для казаков. СПб: Военная типография, 1884. С. 3-4.
32. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войск / Н.И. Краснов. СПб.: Военная типография, 1870. С. X.
33. Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 147-149.
34. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 107.
35. Там же. С. 116.
36. Там же. С. 107.
37. Там же. С. 101.
38. Там же. С. 109.
39. Там же. С. 118.
40. Фрейдзон В.И. История Хорватии / В.И. Фрейдзон. СПб.: Алетейя, 2001. С. 62.
41. Сень Д.В. Османская империя и Крымское ханство во второй половине XVII – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений / Д.В. Сень // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 517.
42. Фрейдзон. В.И. История Хорватии. С. 57.
43. Там же. С. 57-58.
44. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1 / М.Н. Харузин. М.: тип. М.П. Щепкина, 1885. С. XV.
45. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. С. 4.
46. Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The History of a Fighting Elite / V. Vuksic, Z. Grbasic. Hong Kong: Arms & Armour, 1993. P. 146.
47. Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него до преобразований, сделанных Петром Великим. С. 15-16.
48. Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 106.
49. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 104.
50. Там же. С. 100-101.
51. Там же. С. 118-120.
52. Каппелер А. Казачество. История и легенды. С. 24.
53. Там же. С. 82.
54. Шимов Я. Австро-Венгерская империя / Я. Шимов. М.: Эксмо, 2003. С. 129.
55. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 162.
56. Каппелер А. Казачество. История и легенды. С. 14-15.
57. Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского / С. Номикосов. Новочеркасск: тип. Обл. правл. Войска Донского, 1884. С. 26.
58. Романов М.Ю. Стрельцы московские / М.Ю. Романов. М.: Гос. публ. ист. библиотека России, 2004. С. 17.
59. Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30-40-х гг. XVII в. С. 10-18.
60. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 112-114.

61. Там же.
62. Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского. С. 134.
63. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 55-56.
64. Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30-40-х гг. XVII в. С. 10-18.
65. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 107.
66. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 47.
67. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. С. 4-5.
68. Березин, Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. \ Л.В. Березин. Т.2. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1879. С. 325.
69. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 54.
70. Brzezinski R. Polish Winged Hussar 1576-1775 \ R.Brzezinski. Oxford: Osprey, 2006. P. 6-14.
71. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 146.
72. Васильев А. Польско-литовская гусария XVII века \ А. Васильев \ \ Цейхгауз. 1998. №1. С. 2-8.
73. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. С. 62.
74. Там же.
75. Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 146.
76. Там же.
77. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 208.
78. Каппелер А. Казачество. История и легенды. С. 29-30.
79. Кирпиченок А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 118.
80. Каппелер А. Казачество. История и легенды. С. 29-30.

References:

1. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo / Yu.Yu. Nenakhov. Minsk: Kharvest, 2002. S. 452.
2. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. 1700-1881 / A.A. Kersnovskii. Smolensk: Rusich, 2004. S. 89.
3. Volvenko A.A. Dva podkhoda k raschetam stoimosti donsogo kazachestva dlya Rossiiskoi imperii v 60-70 gg. XIX veka / A.A. Volvenko // Aktual'nye problemy sotsial'noi istorii. Sbornik nauchnykh statei. Vyp. 8. Novocherkassk; Rostov-na-Donu, 2007. S.48-49.
4. Tam zhe.
5. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy / A. Kappeler. Rostov-na-Donu: izd. YuFU, 2014. S. 83.
6. Kazachii Don. Ocherki istorii. Chast' I / A.P. Skorik, V.P. Trut, R.G. Tikidzh'yan i dr. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo obliU, 1995. 192 s.
7. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.» / A.I. Kirpichenok // Peterburgskaya bibliotchnaya shkola. 2006. № 1-2. S. 114-115.
8. Tam zhe. S. 115.
9. Dmitriev V. S. Serby v Ukraine (XVIII – nachalo XIX v.). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: Kiev, 2006. S. 8-10.
10. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.» S. 115.
11. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 452.
12. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.» S. 114.
13. Engel's F. Armii Evropy / F. Engel's // Engel's F. O voennom iskusstve. O teorii nasiliya. M., SPb.: Eksmo, Terra Fantastica, 2003. S. 233.
14. Vikedde Yu. Voennye sily Germanii i ikh razvitie v noveishee vremya / Yu. Vikedde // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 677.
15. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon, izdavaemyi obshchestvom voennykh i literatorov i posvyashchennyi Ego Imperatorskomu Vysochestvu Nasledniku Tsesarevichu i Velikomu Knyazyu Aleksandru Nikolaevichu. Ch. 7. SPb.: tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1843. S. 464.

16. Voennaya entsiklopediya. T. 8. SPb.: tov. I.D. Sytina, 1912. S. 450-451.
17. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. / S. L'vov. M.: Vostochniy gorizont, 2002. S. 4.
18. Tuhan-Baranowski M. O mušlimach litewskich / M. Tuhan-Baranowski. Warsaw: b/i, 1895. S. 14.
19. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. S. 5.
20. Tam zhe. S. 5-6.
21. Belyaev I.D. O russkom voiske v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha i posle nego do preobrazovaniy, sdelannykh Petrom Velikim / I.D. Belyaev. M: Universitetskaya Tipografiya, 1846. S. 15-16.
22. Gorbachev V.I. Streletskoe voisko ryazanskikh i ukrainnykh gorodov Rossii 30-40-kh gg. XVII v. Dis. ... kand. ist. nauk: Ryazan', 2012. S. 10-18.
23. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii / F. Mering // Mering F. Istoriya voyn i voennogo iskusstva. SPb.: Poligon, 2000. S. 83-160.
24. Voenniy entsiklopedicheskii leksikon. Ch. 7. S. 159.
25. Voennaya entsiklopediya. T. 11. S. 31.
26. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 3. M.: Voenizdat, 1977. S. 598.
27. Voennaya entsiklopediya. T. 11. S. 31.
28. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 3. S. 598.
29. Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). F. 330. Op. 61. D. 1937. L. 46-47.
30. Peretyat'ko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voенное upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. / A.Yu. Peretyat'ko. Rostov-na-Donu, SKNTs VSh YuFU, 2014. S. 156.
31. Dopolnenie k stroevym kavaleriiskim ustavam dlya kazakov. SPb: Voennaya tipografiya, 1884. S. 3-4.
32. Krasnov N.I. Voенное obozrenie Zemli Donskogo Voisk / N.I. Krasnov.SPb.: Voennaya tipografiya, 1870. S. X.
33. Toinbi A. Postizhenie istorii / A. Toinbi. M.: Airis-press, 2003. S. 147-149.
34. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 107.
35. Tam zhe. S. 116.
36. Tam zhe. S. 107.
37. Tam zhe. S. 101.
38. Tam zhe. S. 109.
39. Tam zhe. S. 118.
40. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii / V.I. Freidzon. SPb.: Aleteiya, 2001. S. 62.
41. Sen' D.V. Osmanskaya imperiya i Krymskoe khanstvo vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v.: upravlenie pogranichnymi protsessami i kharakter vzaimootnoshenii / D.V. Sen' // Granitsy i pogranich'e v yuzhnorossiiskoi istorii: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 26–27 sentyabrya 2014 g.). Rostov-na-Donu, 2014. S. 517.
42. Freidzon. V.I. Istoriya Khorvatii. S. 57.
43. Tam zhe. S. 57-58.
44. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1 / M.N. Kharuzin. M.: tip. M.P. Shchepkina, 1885. S. XV.
45. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. S. 4.
46. Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The History of A Fighting Elite / V. Vuksic, Z. Grbasic. Hong Kong: Arms & Armour, 1993. P. 146.
47. Belyaev I.D. O russkom voiske v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha i posle nego do preobrazovaniy, sdelannykh Petrom Velikim. S. 15-16.
48. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 106.
49. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 104.
50. Tam zhe. S. 100-101.
51. Tam zhe. S. 118-120.
52. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. S. 24.
53. Tam zhe. S. 82.
54. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya / Ya. Shimov. M.: Eksmo, 2003. S. 129.
55. Vuksic V., Grbasic Z. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 162.
56. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. S. 14-15.

57. Nomikosov S. Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo / S. Nomikosov. Novocherkassk: tip. Obl. pravl. Voiska Donskogo, 1884. S. 26.
58. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie / M.Yu. Romanov. M.:Gos. publ. ist. biblioteka Rossii, 2004. S. 17.
59. Gorbachev V.I. Streletskoe voisko ryazanskikh i ukrainnykh gorodov Rossii 30-40-kh gg. XVII v. S. 10-18.
60. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 112-114.
61. Tam zhe.
62. Nomikosov S. Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo. S. 134.
63. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 55-56.
64. Gorbachev V.I. Streletskoe voisko ryazanskikh i ukrainnykh gorodov Rossii 30-40-kh gg. XVII v. S. 10-18.
65. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 107.
66. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 47.
67. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. S. 4-5.
68. Berezin, L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. / L.V. Berezin. T.2. SPb.: Tip. i khromolit. A. Transhelya, 1879. S. 325.
69. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 54.
70. Brzezinski R. Polish Winged Hussar 1576-1775 / R.Brzezinski. Oxford: Osprey, 2006. P. 6-14.
71. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 146.
72. Vasil'ev A. Pol'sko-litovskaya gusariya XVII veka / A. Vasil'ev // Tseikhgauz. 1998. №1. S. 2-8.
73. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. S. 62.
74. Tam zhe.
75. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. P. 146.
76. Tam zhe.
77. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 208.
78. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. S. 29-30.
79. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 118.
80. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. S. 29-30.

УДК 93/94

**«Европейские казаки» в XVI-XVII вв.:
феномен иррегулярности от Адриатики до Урала**

Артем Юрьевич Перетяtko

Дом детского творчества Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону,
Российская Федерация
344101, г. Ростов-на-Дону, ул. Верещагина, д. 10
Кандидат исторических наук
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена истории восточноевропейских иррегулярных войск, получивших широкое распространение в России, Речи Посполитой и в габсбургских владениях в XVI-XVII в. В ней обосновывается позиция, согласно которой все подобные войска, в частности, казаки, граничары и уланы, представляли собой единый феномен, и для уяснения некоторых особенностей их эволюции следует рассматривать их историю комплексно.

На основании подходов, предложенных Ф. Мерингом, в статье делается вывод, что распространение иррегулярных частей в христианской Восточной Европе было следствием специфических социально-политических условий, прежде всего длительных войн и границ азиатского типа. В этих условиях правительствами создавались или приглашались на службу военизированные отряды, получающие вместо жалования различные привилегии. В результате сформировалась целая система иррегулярных войск, географические рамки которой ограничивались Адриатическим морем и Уралом.

Ключевые слова: иррегулярные войска, казаки, граничары, Россия, речь Посполитая, Габсбургские владения, Ф. Меринг.